

Тук, тук, тук — шаги приближались.

В голове у Чжоу У было пусто. Никакого материализма, никакого научного мировоззрения — всё выметено начисто. Он задержал дыхание и не смел издать ни звука.

Но те ноги всё равно появились в поле зрения. Чжоу У не мог подобрать слов: огромные ступни, кожа черна как смоль — будто высохшая, мёртвая.

Ноги замерли у кровати.

Что это?

Что это?!

Материализм разлетелся вдребезги. Чжоу У охватил ужас, проникающий в каждую щель между костями.

А самое страшное — он уже не мог сдерживать дыхание. От кислородного голодания побелело в глазах, голова закружилась, колени, на которые он опирался, дрожали, отдаваясь болью.

Секунды тянулись бесконечно. Лёгкие у Чжоу У и так были не выдающимися — больше он не выдержал. Он старался дышать как можно тише.

Выдох... Вдох...

Стоило Чжоу У выпустить воздух через нос — удушье чуть отступило — как те ноги едва заметно шевельнулись... и голень стала медленно наклоняться вниз — всё ниже!

Зажав рот и нос ладонью, Чжоу У лихорадочно прокручивал в голове картину: оно приседает... жуткое лицо появляется перед глазами... тварь скалится в мерзкой, кривой ухмылке... и находит его, забившегося под кровать.

Колено сгибается...

А-а-а!

Он едва не закричал. Ощущение — словно лезвие занесено над головой и вот-вот опустится.

Из глубины сознания хлынуло: Кто-нибудь! Спасите меня!

Инстинкт. Чистый инстинкт выживания. Ужас перед тем, что перед ним, заставил беззвучно молить — пусть хоть кто-нибудь придёт на помощь.

Стоило этой мольбе прозвучать внутри — и её было уже не остановить.

Вдруг сгибавшаяся голень замерла. В тот самый миг, когда Чжоу У был на грани срыва, готовый завопить во всё горло, — он увидел, как те ноги вдруг задрожали. Точно так же, как дрожал от страха он сам.

А затем раздался звук.

Его невозможно описать. Словно взрыв внутри черепа — мозг пронзило иглой, острая, режущая боль, а потом снаружи донёсся жуткий вопль.

Этот вопль тянулся бесконечно. Чжоу У оглушило; он не смог удержаться на коленях и рухнул на ледяной пол, хватая ртом воздух.

Гудение — и всё стихло.

Чжоу У почувствовал, что его трясут. В уши пробился голос:

— Чжоу У! Чжоу У! Ты что, заснул, даже не добравшись до кровати?

Он разлепил саднящие веки — перед ним, крупным планом, лицо У Яо. Чжоу У ахнул и отшатнулся, но У Яо среагировал мгновенно и подхватил стул.

— Ты чего? Спросонья не в себе? Так спать — простудишься, а простуда здесь — это катастрофа!

Под аккомпанемент непрерывной болтовни У Яо Чжоу У тупо смотрел на него, а потом потянулся и ущипнул за щёку.

— Ай! Ты чего?! Я, конечно, после бритья неотразим, но это ещё не повод меня лапать! — Увидев, что Чжоу У по-прежнему витает где-то, он спросил: — Да что с тобой? Почему такой бледный? Ты уже простудился, что ли?

Чжоу У выпрямился и помотал головой. Вся спина была в холодном поту.

— Мне, кажется, приснился кошмар.

— Ещё бы! Заснуть вот так, на стуле — конечно, приснится! Небось снилось, что тебя голым в

сугроб бросили? Одежда уже высохла, давай вставай — ужин!

Чжоу У поднялся. Реакция ещё запаздывала. Он кивнул и потянулся к рюкзаку за курткой, но обнаружил, что куртки в рюкзаке нет — она висела на спинке стула.

Рука замерла. Он сам забыл?

У Яо торопил, да и голод давал о себе знать, так что Чжоу У не стал ломать голову, натянул куртку, схватил телефон и пошёл к выходу. Уже за порогом спохватился, что забыл телефон, развернулся и вернулся в комнату.

Телефон заряжался на прикроватной тумбочке, но Чжоу У застыл посреди комнаты, не решаясь шагнуть дальше.

На полу перед кроватью проступал смазанный, ещё не высохший гигантский отпечаток ноги — невообразимого размера, совершенно нечеловеческий.

— Чжоу У! Скорей! Я с голоду умираю! — донеслось снаружи.

Он оглянулся на голос, а когда посмотрел на пол снова — ничего не было.

Стоя на месте, Чжоу У чувствовал, как холод пронизывает до костей. Пальцы затряслись неудержимо. У Яо заглянул в комнату — Чжоу У стоял столбом.

— Ты чего тут застрял?

Чжоу У пришёл в себя, мертвенно-бледный:

— Ты... когда пришёл меня звать — ничего не видел?

У Яо удивился:

— Чего не видел? Нет, а что?

— А дверь — я её запирал?

— Да нет, закрыта была, но не заперта. Иначе как бы я вошёл?

У Яо растерянно почесал затылок. Но, глядя на мертвенно-белое лицо Чжоу У, решил, что тот просто заразился общей жутковатой атмосферой деревни и начал видеть призраков.

— Хватит себе голову забивать! Поешь, потом — горячий душ, крепкий сон, и всё пройдёт, — широким жестом утешил он.

Чжоу У кивнул, мысленно убеждая себя: всё это был сон.

До столовой нужно было пройти две галереи и пересечь внутренний двор. Дождь по-прежнему лил стеной, хотя, казалось, стал чуть слабее. Весь сад утонул в пелене ливня. Выйдя из комнаты, Чжоу У остановился у порога и уставился на восьмиугольный проём в стене напротив.

У Яо заметил, что тот снова витает в облаках, схватил за руку и потащил вперёд, приговаривая:

— Я в этой группе уже несколько месяцев — дольше тебя. Мы вечно натыкаемся на всякую чертовщину. Главное — держать голову в порядке. Не давай ерунде тебя раскачать.

— Хм... А как — держать? — рассеянно спросил Чжоу У.

У Яо заговорщицки извлёк из кармана телефон:

— Хочешь, скину тебе аудиофайл по блютусу? Я только благодаря нему и засыпаю!

Наушник оказался в ухе Чжоу У. И ему показалось, что в макушку влился поток чистейшей праведной энергии.

После знакомой — до мурашек — заставки зазвучал безупречно поставленный голос:

«Дорогие зрители, добрый вечер! Сегодня двенадцатое августа, суббота, по лунному календарю... Добро пожаловать в программу «Синьвэнь Ляньбо». Прежде всего представим вам основные темы сегодняшнего выпуска...»

Чжоу У, ещё секунду назад чувствовавший себя окутанным непроницаемой тенью, ощутил, как по всему телу разлилось облегчение.

— Ну как, хочешь? — спросил У Яо.

— Хочу!

Когда они добрались до столовой, все уже сидели за столом. Увидев их, замахали руками. Чжоу У раньше был слишком напуган кошмаром, чтобы заметить голод, но теперь, когда на столе выстроились разнообразные блюда местной кухни, источавшие умопомрачительный аромат, аппетит проснулся мгновенно.

После ужина вся съёмочная группа воскресла из мёртвых и рассыпалась в благодарностях угощавшим их деревенским. В ответ — всё те же каменные лица.

Они уже решили, что у местных просто характер такой, и перестали обращать внимание. Но стоило Чжоу У доесть свою миску — сидевший рядом деревенский тут же забрал её и навалил добавки.

Чжоу У даже не успел отказаться.

У Яо снова позеленел от зависти, повернулся и стал расспрашивать, какая клиника пластической хирургии надёжнее. Дин Чэн невозмутимо посоветовал: заново родиться.

У Яо подскочил и, свирепо рыча, бросился «на смертный бой». Дин Чэн поправил очки, сделал обманный финт и увернулся от его яростного броска.

.

После ужина — а закончили они около девяти — все собрались мыться и спать. В комнате Чжоу У обнаружилась ванная, и когда он толкнул дверь — замер на пороге.

Огромная деревянная купель. Пол из серого камня. Кран в виде позолоченной львиной головы, из пасти которой тонкой струйкой текла горячая вода, наполняя купель.

Это что, личные покои какого-нибудь князя?

По обычным меркам — деревня даже порог бедности не преодолела. Почему же здесь — роскошь уровня семизвёздочного отеля?

Задумавшись, Чжоу У понял: этот особняк, похоже, бездонный. Когда они шли по галерее к гостевым комнатам, другой коридор уходил куда-то дальше — он лишь мельком глянул и не увидел конца.

Они жили в боковом дворе для гостей, а главная часть усадьбы, видимо, была куда обширнее, чем можно себе представить.

Впрочем, тело уже давало о себе знать, и Чжоу У, мечтая поскорее помыться и лечь, стал наполнять купель.

Вода журчала, горячий пар поднимался над деревянным краем белым облаком.

В сезон холодов погрузиться в горячую ванну — счастье, которое трудно переоценить. В

просторной ванной стояла полная тишина, только плеск воды, — и тут вдруг зазвучала торжественная заставка, исполненная праведной силы...

Включив «Синьвэнь Ляньбо», Чжоу У сразу почувствовал себя спокойнее. Расстегнул ремень, стянул свитер, потом — последнюю нательную водолазку, и обнажённое тело предстало перед прохладным воздухом.

Кожа соприкоснулась с холодом, и по ней побежали мурашки. Он торопливо сбросил последнее и перешагнул через борт купели.

Температура — идеальная. Тёплая вода обняла тело. Обхватив руками колени, Чжоу У выставил над водой только макушку: пар увлажнил волосы, и они мягкими прядками свесились на лоб — послушные, трогательные. Он был похож на тех капибар, фотографии которых вечно постят в соцсетях — блаженно купающихся в горячей воде.

Дневной кошмар временно отступил. Чжоу У потянулся, выдохнул и расслабленно обмяк.

Понежившись, он вспомнил о синяке на плече. Наверное, уже почти сошёл?

Он чуть приподнялся и обернулся, чтобы посмотреть — и окаменел.

Позади него стояло ростовое зеркало, метра два высотой. Его отражение было видно целиком. И вся спина — как на ладони.

Изгибы лопаток отбрасывали тень, и вдоль этой тени Чжоу У увидел: помимо того сине-фиолетового пятна, которое заметил У Яо, отметины тянулись дальше — вниз по позвоночнику, до самой поясницы, — сплошной цепочкой.

Словно что-то медленно двигалось вдоль его позвоночника к линии талии, оставляя поцелуи.

И надо же было такому случиться — именно в эту секунду «Синьвэнь Ляньбо» перешла к сюжету о загадочном медицинском случае.

«Сяо Ван рассказал, что месяц назад на его теле начали появляться синяки — один за другим, пятнами и россыпями. Он решил, что неизлечимо болен, но семья бедствовала и денег на лечение не было. Он даже написал предсмертную записку...»

«Потом Сяо Ван наскрёб сто юаней, отправился в местную клинику и прошёл обследование. Результат потряс всех.»

«Оказалось, что в последнее время он каждый день работал в поле, одежда промокала от пота, а ткань была настолько дешёвой, что линяла от влаги...»

Чжоу У: «...»

Секунду назад он дрожал от страха, с пересохшим ртом — и вот ему уже стало не пойми смешно, не пойми горько.

Впрочем, его синяки были точно не от линялой ткани — он мог отличить. При нажатии он чувствовал лёгкую боль.

Дотянувшись до отметины на пояснице и надавив, Чжоу У тихонько пробормотал:

— И тут... тоже немножко больно...

Ничего не прояснив, он решил, что по возвращении в город сходит в больницу — если к тому времени синяки ещё не пройдут.

После этой интермедии ему расхотелось нежиться в ванне. Намылившись и ополоснувшись, он вышел из ванной.

После горячей воды тело ещё хранило тепло. Вышитое одеяло на кровати оказалось невероятно мягким и пахло мыльным орехом — чистым, свежим. Стоило сесть — он тут же провалился в перину, и всё тело словно обволокло облаком нежнейшего хлопка. Невыразимый уют.

Забравшись под одеяло, Чжоу У мгновенно стал проваливаться в сон. Он привстал, чтобы погасить свет, но перина была настолько пышной, что он несколько раз заваливался обратно.

В комнате горело несколько настенных светильников — вполне годились в качестве ночников. Чжоу У намеренно оставил их включёнными, но, приподнявшись, вдруг уставился на стену, на которой крепился один из светильников.

На стене, кажется, появилось кое-что новое.

Под полоской белой марли длиной чуть больше метра что-то скрывалось. Днём, в суматохе и напряжении, Чжоу У не осматривал комнату как следует и не заметил этой ткани.

Так она здесь с самого начала? Он был совершенно не уверен.

Что там, под ней?

Любопытство грызло его, не давая уснуть. Чжоу У заставил себя сесть и щёлкнул выключателем.

Лампа накаливания залила комнату светом. Теперь всё было видно отчётливо.

И в этом свете сквозь белую марлю проступили смутные чёрно-белые контуры — тушевой портрет.

Белый свет лампы сделал и без того бледное лицо Чжоу У мертвенным. Нижняя губа непроизвольно дрогнула раз, другой.

Вглядевшись в портрет, Чжоу У понял: он видел эту картину раньше.

Это — тот самый портрет... тот, который в первый день, когда он заглянул в ворота, висел на балке.

<http://bllate.org/book/22494/2373467>